

НЕЗАМЕЧЕННАЯ ИСТОРИЯ: БЛОШИНЫЙ РЫНОК КАК МЕСТО, ИСТОЧНИК И ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

И. В. Нарский¹, Н. В. Нарская²

¹Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

²Филиал Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия», г. Челябинск, Российская Федерация

Статья посвящена проблемам исследования блошиного рынка как места альтернативного, непрофессионального и неофициального обращения с прошлым. Авторы задаются вопросами о причинах малого интереса историков по сравнению с экономистами, социологами, антропологами и психологами к феномену блошиного рынка. В статье очерчиваются историографические, источниковедческие и методологические ориентиры в изучении блошиного рынка. Статья дает ответы на вопросы о потенциале специального исторического исследования блошиного рынка и о дефиците инструментария социологии для его изучения как объекта, представляющего интерес для историков. Слабость социологического концептуального осмысления блошиного рынка, по мнению авторов, состоит прежде всего в преувеличении компонентов публичности этого института «приватной общественности». Как показано в статье, блошиный рынок достоин интерпретации в качестве важного исторического источника. Он является своеобразным зеркалом общества и недооцененным объектом для изучения коммуникации, одиночества, бедности, ностальгии, культурного трансфера в XX в. Одновременно он является полигоном для альтернативного, неофициального обращения с прошлым со стороны «обычных» людей. Кроме того, изучение блошиного рынка может внести важный вклад в решение специальных исторических вопросов, таких как историческая репрезентация. Таким образом, блошиный рынок по определению должен стать объектом изучения специалистами в области истории повседневности, памяти, опыта и публичной истории.

Ключевые слова: блошиный рынок, барахолка, толкучка, Мюнхен, «приватная общественность», обращение с прошлым, ностальгия.

Введение

Прошлое не отгорожено от настоящего непреодолимыми барьерами, как считало большинство историков в XIX–XX вв. Оно постоянно присутствует среди нас в виде следов – архитектурных сооружений и памятников, государственных институтов и праздничных церемоний, предметов быта и семейных реликвий, канонов составления текстов и традиций повседневного общения [1–3]. Прошлое влияет на современность, поставляя нам материал для объяснения нашей актуальной ситуации, и одновременно изменяется под воздействием сегодняшних перемен. Взаимодействие прошлого и настоящего – одна из самых злободневных и сложных проблем исторической науки.

Блошиный рынок представляет собой место особо высокой концентрации следов прошлого в настоящем – случайной и постоянно меняющейся комбинации старых вещей, выставленных на продажу. Поэтому вызывает удивление, что историки, в отличие от социологов, почти не уделяют внимания блошиному рынку. Этот дефицит интереса позволяет рассматривать блошиный рынок как «незамеченную историю», причем в двояком смысле. Во-первых, сам блошиный рынок – обойденный вниманием историков исторический феномен, который менялся на протяжении конца XIX – XX в. Во-вторых, истории вещей, оказавшихся на блошином рынке, а также людей, их продающих и покупа-

ющих, представляют самостоятельный интерес и также являются носителями многочисленных незаметных и незамеченных историй.

Цель данного исследования – выяснить причины дефицита исторических исследований блошиного рынка и показать его потенциал в качестве пространства, источникового комплекса и проблемного поля специального исторического исследования. Объектом исследования выступает один из блошиных рынков Мюнхена, ставший местом систематических посещений и включенного наблюдения со стороны авторов на протяжении 2014–2019 гг. Предмет анализа – блошиный рынок как исторический феномен и источник. Термин «блошиный рынок» используется при этом как понятие, синонимичное понятиям «барахолка», «толкучка» и другим обозначениям рынка под открытым небом или в съемном помещении, в разном сочетании выставляющего на продажу разнообразные предметы, бывшие в употреблении.

Обзор литературы

Научная литература о блошиных рынках обширна [4–11]. Этнологические, социологические, экономические исследования этого феномена ставят и отчасти решают вопросы об организации и функциях блошиного рынка в жизни современного человека. Однако большинство из них недооценивает обращение с прошлым как важную функцию рынка старых вещей и серьезный мотив его посети-

телей. Симптоматично, что немецкий социолог Г. Винтер отнес рынок подержанных вещей к такой сфере досуга и «частной общественности», как народные увеселения, поместив барахолки в один растер с цирком и ярмарочными аттракционами [10, s. 17].

Роль блошиного рынка в обращении человека с прошлым, как ни странно, почти не рассматривается историками в качестве самостоятельной проблемы. Некоторые из них прибегают к проблематике блошиного рынка, как правило, в качестве вспомогательного сюжета для исследования состояния экономики и общества в кризисных ситуациях, например, истории советской и постсоветской повседневности, девиантного поведения советских граждан, рынка в эпоху сталинизма [12–14]. Специальные исторические исследования блошиных рынков остаются делом будущего.

Методы исследования

В этом исследовании мы опираемся на несколько концептов теоретического свойства. Во-первых, используется концепт «лирической историографии». Отличительной особенностью этого антропологического по происхождению подхода видится наличие в тексте фигуры активного автора, который использует свой личный опыт в контролируемом исследовательском процессе и изложении его результатов [15]. Идея сознательного, целенаправленного и открытого использования собственного опыта исходит прежде всего из представления о центральном значении донаучного знания, или «предубеждений» (Х.-Г. Гадамер), в авторском исследовательском процессе [16].

Во-вторых, мы интерпретируем вещи в качестве «следов» историй и людей, участвовавших в этих историях. «Следов» в том смысле, в каком этот термин использовал К. Гинзбург, отнеся историческую науку к области индивидуализирующего качественного знания, основанного, наподобие палеонтологии или криминологии, на распутывании следов [1].

В-третьих, здесь используются теоретические посылы «онтологического поворота» в социальных и гуманитарных науках, исходящего из равноправия людей и вещей в духе Б. Латура [17] и нацеленного на целостное изучение вещи как материального и культурного, природного и рукотворного феномена.

В связи с двойственной природой вещей мы посчитали полезным, в-четвертых, ориентироваться на представления о новой культуре памяти, заявившей о себе в Европе – прежде всего в Германии – в течение последних четырех десятилетий. Согласно ей, ныне прошлое не отделено непреодолимой стеной от настоящего и будущего и не является сферой интересов исключительно профессиональных историков [2]. Будучи местом перманентного альтернативного толкования изменчивого прошлого, блошинный рынок рассматривается нами как по-

рождение нового ощущения времени, как часть этого ощущения и реакция на него.

В-пятых, используется конструктивистский подход к пространству экономиста Дитера Лэппле [18]. Согласно «пространственному повороту», пространство не сводится к территории как нейтральному «контейнеру», а включает в себя все, что его создает, поддерживает и трансформирует: властные отношения, правила и нормы, человеческую практику, символическое кодирование пространства, его репрезентацию и восприятие.

Сбор информации о блошином рынке как месте особого обращения с прошлым осуществлялся нами методами включенного наблюдения и интервью. Авторы сами выступали в качестве рядовых посетителей, а иногда – покупателей, продавцов и консультантов на мюнхенском блошином рынке. Источниковое ядро для исследования образуют рассказы наших собеседников с блошиного рынка в Мюнхене. В качестве основных вопросов авторов интересовали причины и обстоятельства, приведшие наших респондентов на блошинный рынок, то, каким рынок был раньше и каким он стал теперь, какую роль он играл и играет в жизни наших информантов. Ничтожно малую часть интервью удалось с согласия наших визави записать на диктофон. Это происходило, как правило, если беседа состоялась за пределами блошиного рынка. Однако встречи вне рынка были редким исключением из правила. Чаще всего беседа проходила во время совместной прогулки по блошиному рынку или в кафе, расположенном на его территории. Диалог осуществлялся «безоружно», даже без возможности по ходу разговора внести пометки в блокнот. На блошином рынке, где появление полицейского или налогового чиновника не сулит ничего хорошего, беседа с блокнотом или диктофоном в руке воспринимается как потенциальная угроза для окружающих. Приходилось полагаться на собственную память и по завершении разговора идти в ближайшее кафе или домой, чтобы зафиксировать услышанное. Такие записи сложно назвать интервью в строгом смысле этого слова. Но и полученные неполноценные интервью, вернее, их конспекты, стенограммы и протоколы воспринимались нами как маленькие победы, потому что порой люди относились к нашим намерениям настолько недоверчиво, что отказывались беседовать, несмотря на то, что с просьбой об информации к ним обращался посредник из числа их добрых знакомых, которым они безусловно доверяли.

В связи со спецификой сбора информации незаменимым источником оказались полевые дневники, которые, помимо прочего, включают составленные по горячим следам стенограммы незаписанных бесед. Они перемежаются с заметками о событиях, впечатлениях и покупках блошиного рынка. Покупки и изредка некоторые из некупленных вещей –

с разрешения продавцов – визуально документировались с помощью фотографирования.

Результаты и дискуссия

Как уже отмечалось, блошиный рынок до сих пор не стал самостоятельным объектом изучения историков и прежде всего поборников публичной истории, исследователей коллективной памяти, повседневности и культурных практик. А ведь рынок бывших в употреблении вещей можно рассматривать как своеобразный барометр состояния общества. Он может, подобно барахолке для бедных XIX – первой половины XX в., выступать инструментом пополнения или экономии скудного семейного бюджета. Толкучка может также служить «санации» домашнего интерьера от вещей, устаревших, вышедших из моды. Она помогает избавиться от предметов интерьера и утвари, осложняющих переезд на новое место жительства, тормозящих продажу унаследованной недвижимости, мешающих расстаться с обременительными воспоминаниями. Современный блошиный рынок (с 1970-х гг.) может в большей степени быть местом коммуникации, ставшей затруднительной в мегаполисах в связи с сегментацией повседневной жизни и герметичным отделением друг от друга пространств жилья, работы, потребления и транспорта. Рынок старых вещей является местом циркуляции предметов старины и удовлетворяет интересы профильных коллекционеров и «безыдейных», в терминологии Владимира Солюхина [19], собирателей. В последние десятилетия XX века вторичный рынок стал местом креативных практик в области моды, превратившись из рынка для бедных в модное место для представителей среднего класса.

Следовательно, изучение блошиного рынка связано с широким комплексом тем, значимых не только для экономистов, социологов, антропологов и психологов, но и для историков. К таким темам относятся, например, потребление и бедность, коммуникация и одиночество, вкусы и мода, поколенческие разрывы, ностальгия и непрофессиональное, приватное обращение с прошлым из близкой, тактильной и эмоционально окрашенной перспективы в современном обществе в целом и в мегаполисе в особенности. Исследование рынка подержанных вещей позволяет соединить проблемы, рассматриваемые обычно порознь, и тем самым продвинуться в их решении.

Синхронный сравнительный анализ развития блошиных рынков в разных странах и их диахронное изучение в одной стране позволяют с нового ракурса увидеть известные проблемы или открыть новые сюжеты для исторического исследования. Блошиный рынок в Германии может, например, стать объектом изучения сложностей в обращении с нацистским прошлым. Изучая блошиный рынок, можно выйти на проблему динамики уровня жизни и развития международного трансфера предме-

тов старины. Так, немецкие блошиные рынки в 1990-е гг. выиграли от крушения социалистической системы и открытия внутренних границ Евросоюза. Тогда антиквариат различного, в том числе сомнительного происхождения, ранее запрещенный к вывозу из стран Восточной Европы, а отчасти и от соседей с Запада (например, беспощинный вывоз антикварной бронзы из Франции), беспрепятственно хлынул через границу, встретившись с ростом интереса к старине среди западных немцев с крепкой покупательной способностью.

Блошиный рынок в Германии второго десятилетия XXI в. также изменился под влиянием внутренних проблем и международных отношений. Понижение уровня жизни западных немцев после введения евро, насыщение коллекций или уход из жизни поколения собирателей 1970–1990-х гг., наводнение рынка антиквариата подделками с востока, приход на рынок новых торговцев и покупателей из Азии и Африки сделали свое дело. Сегодня старожилы блошиных рынков мечтательно вспоминают о прежних временах и снисходительно называют нынешний товарный ассортимент блошиных рынков «мусором».

Проблематика, связанная с деятельностью блошиного рынка, в первую очередь стала привлекать экономистов и социологов. И не удивительно: необходимость рассматривать движение товаров и человеческую коммуникацию с помощью инструментария политэкономии и социологии лежит на поверхности. Даже антропологи не сразу заметили потенциал изучения традиции и культуры на материале блошиного рынка, который воспринимался в 1980-е как явление очень молодое [20].

Так есть ли «на блошином рынке» у историка самостоятельное место, на котором ему не нужно «отнимать хлеб» у других наук об обществе и культуре? Может ли рынок подержанных вещей претендовать на статус самостоятельного объекта исторического исследования, а не проходного сюжета при исследовании повседневности? На оба вопроса можно с известной долей осторожности ответить утвердительно. Блошиный рынок второй половины XX столетия мобилизовал домодерный пафос критики капитализма в собственную идеологию, сделав его знаменем консервативной тоски и постмодерной ностальгии по «доброму старому времени». Это ностальгия по ремесленному, штучному производству вручную из качественных материалов, по торгу и коммуникации лицом к лицу [21, 22], по спонтанному и открытому общению, по близости к «первозданной» природе. В этом смысле сама концепция современного блошиного рынка является идеологией альтернативного обращения с прошлым.

Но не только институциональная история блошиного рынка, но и коммуникация людей друг с другом и со старыми предметами дают пищу для изучения обращения с прошлым из перспекти-

вы историка. Общение на блошином рынке позво­лительно описать в категориях не только по­литэкономии и социологии, но и антропологии и истории. Ведь оно воспроизводит трехзвенный механизм функционирования традиции: «наследо­вание от предшественников – сохранение в насто­ящем – передача по наследству более молодым людям» [20, s. 200]. Современный интерес и ува­жение к старым вещам «с атмосферой», воплощая тенденцию не к обеднению, а к благосостоянию, наделяет повседневные предметы из прошлого особым статусом. Они превращаются в украшения интерьера, сувенир, места памяти о семейном прошлом, в исторические документы и коллекци­онные раритеты [20, s. 204–205]. Вещь как повод для ностальгии становится важным источником для изучения другого, неофициального и непро­фессионального обращения «обычных» людей с прошлым.

Казалось бы, блошинный рынок неизбежно должен стать одним из канонических объектов пуб­личной истории, изучающей обращение к прошло­му со стороны непрофессионалов или для аудито­рии непрофессионалов. Однако этого до сих пор не случилось. Блошинный рынок, как правило, не толь­ко не превратился в специальный объект Public History, но и не упоминается в программных и обзор­ных работах о публичной истории [23–25].

Причина такого невнимания в историческом цехе к барахолке коренится, видимо, не столько в ее недооценке как объекта исследования, сколь­ко в дефиците публичного компонента на блоши­ном рынке. Настаивание на публичности барахол­ки чревато искажением взгляда на нее сквозь оп­тику публичной истории. Социологический кон­цепт толкучки как «приватной общественности» наглядно иллюстрирует это утверждение [10].

Тезис о том, что на блошином рынке размы­вается граница между частным и общественным, между отдыхом и работой, между хобби и профес­сией не подлежит сомнению. Блошинный рынок позволительно рассматривать как однодневную, случайную и непрерывно меняющуюся музейную экспозицию, позволяющую публике заглянуть в быт и даже интимную сферу прошедших эпох. Но характерный для социологического подхода перекос в сторону публичных и внеисторических компонентов этого феномена неоправданно уравнивает его с такими явлениями «приватной обще­ственности», как работа на огороде, выращивание аквариумных рыбок или посещение цирка [10, s. 17]. Концепт «приватной общественности» недооценивает частную составляющую в поведе­нии акторов на блошином рынке и специфику не­доступного в музее тактильного и эмоционально выраженного обращения с прошлым. Особость этого прошлого в том, что оно может взволновать, к нему можно прикоснуться, его можно присвоить в буквальном, рыночном смысле слова.

Действительно, само публичное пространство блошиного рынка является лишь видимой «сце­ной» большого и сложно организованного «теа­тра». На этой «сцене» разворачивается лишь крат­кая, сиюминутная фаза в активности человека на толкучке. Товары прибывают на барахолку из частных интерьеров, подвалов и чердаков. А по­купатели, будь то профессиональные коллекцио­неры или любители, желающие украсить свой до­машний интерьер, чаще всего посещают блоши­ный рынок, чтобы вновь приватизировать приоб­ретения и прекратить краткосрочное выставление вещи на всеобщее обозрение.

Даже тогда, когда коллекционер с гордостью показывает свою находку членам клубного сообще­ства, а домохозяйка, сияя, демонстрирует гостям получивший вторую жизнь предмет интерьера, речь идет о допущении избранных в приватную сферу. Публичная сцена блошиного рынка начинается и заканчивается приватно. Она хронологически и пространственно обрамлена частными кулисами.

Блошинный рынок кажется публичным фено­меном до тех пор, пока он рассматривается как нейтральная территория, по которой свободно пе­ремещаются люди, вещи, деньги. Если же посмот­реть на него сквозь оптику «пространственного поворота» и анализировать не как топографически ограниченную территорию, а как конструируемое пространство, то картина принципиально изменит­ся. В таком случае блошинный рынок охватит не только социальные объекты, материальные ар­тефакты и самих людей. Пространство рынка по­держанных вещей включает все, что его конституирует – от политического устройства до человече­ского восприятия [18]. В таком случае очень мно­гое в феномене блошиного рынка окажется в «се­рой», потаенной, приватной сфере.

Выводы

Таким образом, блошинный рынок оказался для историков незаметной и незамеченной историей по ряду причин научного и вненаучного характера. В состоянии исследования блошинных рынков, ве­роятно, немалую роль сыграл бытовой стереотип. Блошинный рынок – это место, вызывающее у мно­гих законное чувство брезгливости как место нечи­стое. Ведь на нем циркулируют вышедшие из упо­требления вещи, которые зачастую принадлежали умершим людям. А сама деятельность блошиного рынка лежит в «серой зоне» не вполне прозрачных торговых операций. Вопросы о происхождении то­варов, о наличии лицензий на торговую деятель­ность и об аккуратности в уплате торговцами нало­гов посетитель рынка оставляет за его территорией, на совести его обитателей и полицейских и налого­вых чиновников, появление которых вызывает сре­ди продавцов нездоровую суету.

В качестве собственно научной причины не­внимания историков к барахолке следует назвать

слабость концептуального осмысления, прежде всего преувеличение компонентов публичности этого института «приватной общественности». Тем не менее блошинный рынок достоин интерпретации в качестве важного исторического источника. Он является своеобразным зеркалом общества и недооцененным объектом для изучения коммуникации, одиночества, бедности, культурного трансфера в XX в. Одновременно он является полигоном для альтернативного, неофициального, эмоционально окрашенного, ностальгического обращения с прошлым со стороны «обычных» людей. Наконец, блошинный рынок при выборе адекватной оптики может содействовать постановке вопросов, важных для профессиональных историков. Каким образом и в какой степени, например, «маленькие люди» могут влиять на властный дискурс о прошлом? Как меняется соотношение понятий «описание», «интерпретация», «репрезентация», когда предметом анализа является не текст о прошлом, а рассказ о конкретной вещи, которую можно потрогать и повертеть в руках? Как старинная вещь становится репрезентацией прошлого не в музее, а на прилавке старьевщика и антиквара? Как предметы из прошлого задают правила обращения с ними и сопротивляются интерпретации их владельцем? Эти и другие вопросы могут апробироваться историком на основе полевого исследования на блошином рынке.

Литература

1. Гинзбург, К. Приметы: Уликовая парадигма и ее корни / К. Гинзбург // Мифы – эмблемы – приметы: морфология и история / К. Гинзбург. – М. : Новое издательство, 2004. С. 189–241.
2. Ассман, А. Новое недовольство мемориальной культурой / А. Ассман. – М. : НЛЮ, 2016. – 232 с.
3. Sellin, V. Einführung in die Geschichtswissenschaft / V. Sellin. – Göttingen : Vandenhoeck & Reprecht, 1995. – 224 s.
4. Бредникова, О. Старая вещь как персонаж блошиного рынка / О. Бредникова, З. Кутафьева // Неприкосновенный запас. – 2004. – № 34. – С. 91–96.
5. Воронкова, Л. В. «Это не рынок»: игра с форматами / Л. В. Воронкова, Е. В. Сотникова, О. В. Паченков // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. – 2016. – Т. 1, № 4. – С. 142–184.
6. Паченков, О. В. Блошинный рынок как «городская сцена» / О. В. Паченков, Л. В. Воронкова // Микроурбанизм. Город в деталях : сб. ст. – М. : НЛЮ, 2014. – С. 132–169.
7. Fischer, V. Nostalgie, Geschichte und Kultur als Trödelmarkt / V. Fischer. – Luzern ; Frankfurt / M. : H. Koltz, 1980. – 303 s.
8. Anderegg, U. Flohmarkt. Spaziergängen durch den Alltag / U. Anderegg. – Zürich : Schweizer Verlagshaus, 1981. – 143 s.
9. Jüngst, P. Zu den Einkaufs-, Freizeit- und Kommunikationsstrukturen auf öffentlichen und privaten Flohmärkten – vorläufige Ergebnisse anhand zweier Fallstudien in Kassel und Marburg / P. Jüngst // Urbs et Regio. – 1984. – № 32. – S. 97–120.
10. Winter, G. Trödelmärkte: eine empirische Untersuchung zur sozialen und ökonomischen Struktur einer Institution privater Öffentlichkeit / G. Winter. – Göttingen : Cuvillier, 1996. – 267 s.
11. Damsar. «Fleamarket» in a German town: a study in economic sociology / Damsar. – Bielefeld : Cuvillier, 1998. – 183 p.
12. Лебина, Н. Б. Энциклопедия банальностей: Советская повседневность: Контуры, символы, знаки / Н. Б. Лебина. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2006. – 444 с.
13. Осокина, Е. А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 2-е изд. / Е. А. Осокина. – М. : РОССПЭН, 2008. – 351 с.
14. Schlögel, K. Das sowjetische Jahrhundert: Archäologie einer untergangenen Welt / K. Schlögel. – München : Verlag C.H. Beck, 2017. – 912 s.
15. Нарский, И. В. Антропологизация авторства: приглашение к лирической историографии / И. В. Нарский // Новое литературное обозрение. – 2012. – № 115. – С. 56–70.
16. Gadamer, H.-G. Wahrheit und Methode. Grundzüge einer philosophischen Hermeneutik / H.-G. Gadamer. – 5. Aufl. Berlin : Mohr Siebeck, 1993. – 533 s.
17. Латур, Б. Об интеробъективности / Б. Латур, // Социологическое обозрение. – 2007. – Т. 6, № 2. – С. 79–96.
18. Läßle, D. Essay über den Raum, in: Hartmut Häußermann u.a. (Hg.) Stadt und Raum. Soziologische Analysen / D. Läßle. – Pfaffenweiler, 1991. – S. 157–207.
19. Солоухин, В. А. Черные доски (Записки начинающего коллекционера) / В. А. Солоухин // Зимний день. – М. : Советский писатель, 1969. – С. 121–287.
20. Heller, H. Über den Umgang mit Tradition auf Trödelmärkten. Otto Koenig 70 Jahre. Kulturwissenschaftliche Beiträge zur Verhaltensforschung. Matreier Gespräche / H. Heller. – Wien : Heidelberg, 1984. – S. 199–204.
21. Hard, G. u.a. Ein Flohmarkt im Bonner Hofgarten – Zur Wirklichkeit und zum Alltagsmythos eines Flohmarktes / G. Hard u.a. // Urbs et Regio. – 1984. – № 32. – S. 121–176.
22. Porath, Y. u. a. Ein Flohmarkt für Kassel / Y. Porath u. a. // Urbs et Regio. – 1984. – № 32. – S. 177–208.
23. Аккерманн, Ф. Прикладная история, или Публичное измерение прошлого / Ф. Аккерманн, Я. Аккерманн, А. Литтке, Ж. Ниссер, Ю. Томанн // Неприкосновенный запас. – 2012. – № 3 (83). – URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2012/3/prikladnaya-istoriya-ili-publichnoe-izmerenie-proshlogo.html>.

24. Все в прошлом: Теория и практика публичной истории / под ред. А. Завадского и В. Дубиной. – М. : Новое издательство, 2021. – 440 с.

25. De Groot, J. Consuming History. Historians and Heritage in Contemporary Popular Culture. 2nd Ed. / J. De Groot. – London : Routledge, 2016. – 332 p.

Нарский Игорь Владимирович – доктор исторических наук, профессор, старший научный сотрудник, НОЦ «Культурно-исторические исследования», Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: inarsky@mail.ru

Нарская Наталья Васильевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Филиал Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия» (Челябинск), e-mail: bredihina_natalya@mail.ru

Поступила в редакцию 30 мая 2022 г.

DOI: 10.14529/ssh220304

UNNOTICED HISTORY: THE FLEA MARKET AS A PLACE, SOURCE, AND PROBLEM OF HISTORICAL RESEARCH

I. V. Narskii¹, N. V. Narskaia²

¹*South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation*

²*Branch of the Military Training and Research Center of the Air Force «Air Force Academy», Chelyabinsk, Russian Federation*

This article is devoted to the problems of studying the flea market as a place of alternative, unprofessional and unofficial treatment of the past. The authors question the reasons historians, in comparison with economists, sociologists, anthropologists and psychologists, have little interest in the phenomenon of the flea market. The article outlines historiographical, source, and methodological guidelines for studying the flea market. It address questions about the potential for its special historical study and about the scarcity of sociological tools for studying it as a historical object. The weakness of the sociological conceptualization of the flea market is, according to the authors, primarily in exaggerating the public components of this «private-public» institution. As the article shows, the flea market is worthy of interpretation as an important historical source. It is a kind of mirror of society and an underestimated object for studying communication, loneliness, poverty, and cultural transfer. It is also a testing ground for an alternative, unofficial treatment of the past by ordinary people. Finally, studying the flea market can make an important contribution to the solution of special historical questions, such as historical representation. Thus, by definition, the flea market should be an object of study by specialists in the history of everyday life, memory, experience, and public history.

Keywords: flea market, Munich, «private-public» institutions, handling the past, nostalgia.

References

1. Ginzburg C. Primety: Ulikovaya peredigma I eyo korni [Odds: The Ulitch Paradigm and Its Roots] // *Mify – emblem – primety: morfologiya i istoriya*. M.: Novoye izdatelstvo. 2004. S. 189–241.
2. Assmann A. Novoe nedovol'stvo memorial'noj kul'turoj [The New Discontent of Memorial Culture]. M. : NLO, 2016. 232 s.
3. Sellin V. Einführung in die Geschichtswissenschaft. Göttingen: Vandenhoeck & Reprecht, 1995. 224 p.
4. Brednikova O., Kutaf'eva Z. Staraya veshh kak personazh bloshinogo rynka [Old Things as a Character of the Flea Market] // *Neprikosnovennyj zapas*. 2004. № 34. S. 91–96.
5. Voronkova L.V., Sotnikova E.V., Pachenkov O.V. Eto ne rynek: igra s formatami [«This is not a market»: a game with formats] // *Praktiki i interpretatsii: zhurnal filologicheskikh, obrazovatelnykh i kulturnykh issledovaniy*. 2016. № 1 (4). S. 142–184.
6. Pachenkov O.V., Voronkova L.V. Bloshtynnyj rynek kak «gorodskaya stsena» [The Flea Market as an «Urban Scene»] // *Mikrourbanizm. Gorod v detalyakh*. M.: NLO, 2014. S. 132–169.
7. Fischer V. Nostalgie, Geschichte und Kultur als Trödelmarkt. M.: H. Koltz, 1980. 303 p.
8. Anderegg U. Flohmarkt. Spaziergängen durch den Alltag. Zürich: Schweizer Verlagshaus, 1981. 143 p.

9. Jüngst P. Zu den Einkaufs-, Freizeit- und Kommunikationsstrukturen auf öffentlichen und privaten Flohmärkten – vorläufige Ergebnisse anhand zweier Fallstudien in Kassel und Marburg // *Urbs et Regio*. 1984. Vol. 32. P. 97–120.
10. Winter G. Trödelmärkte: eine empirische Untersuchung zur sozialen und ökonomischen Struktur einer Institution privater Öffentlichkeit. Göttingen: Cuvillier. 1996. 267 p.
11. Damsar. «Fleamarket» in a German Town: A Study in Economic Sociology. Bielefeld: Cuvillier, 1998. 183 p.
12. Leбина N.B. Entsiklopediya banal'nostej: Sovetskaya povsednevnost': Kontury, simvol'y, znaki [Encyclopedia of Banalities: Soviet Everyday Life: Contours, Symbols, Signs]. SPb.: Dmitriy Bulanin, 2006. 444 p.
13. Osokina E.A. Za fasadom «stalinskogo izobilija»: Raspredelenie i rynek v snabzhenii naseleniya v gody industrializatsii [Behind the Facade of Stalin's Abundance: Distribution and Market in the Supply of Population in the Years of Industrialization]. 2nd ed. M.: ROSSPEN, 2008. 351 p.
14. Schlögel K. Das sowjetische Jahrhundert: Archäologie einer untergangenen Welt. München: Verlag C.H. Beck, 2017. 912 p.
15. Narskii I.V. Antropologizatsiya avtorstva: priglasenie k liricheskoj istoriografii [The Anthropologization of Authorship: An Invitation to Lyrical Historiography] // *Novoye literaturnoye obozreniye*. 2012. № 115. S. 56–70.
16. Gadamer H.-G. Wahrheit und Methode. Grundzüge einer philosophischen Hermeneutik. Aufl. Berlin: Mohr Siebeck, 1993. 533 p.
17. Latour B. Ob interobyektivnosti [On Interobjectivity] // *Sotsiologicheskoye obozreniye*. 2007. № 6 (2). S. 79–96.
18. Läßle D. Essay über den Raum, in: Hartmut Häußermann u.a. (Hg.) Stadt und Raum. Soziologische Analysen. Pfaffenweiler, 1991. S. 157–207.
19. Soloukhin V.A. Chyornye doski (Zapiski nachinayushhego kollektionera) [Blackboards (Notes of a Beginning Collector)] // *Zimnij den'*. M.: Sovetskij pisatel', 1969. S. 121–287.
20. Heller H. Über den Umgang mit Tradition auf Trödelmärkten. Otto Koenig 70 Jahre. Kulturwissenschaftliche Beiträge zur Verhaltensforschung. Matreier Gespräche. Wien: Heidelberg, 1984. P. 199–204.
21. Hard G. u.a. Ein Flohmarkt im Bonner Hofgarten – Zur Wirklichkeit und zum Alltagsmythos eines Flohmarktes // *Urbs et Regio*. 1984. Vol. 32. P. 121–176.
22. Porath Y. u. a. Ein Flohmarkt für Kassel // *Urbs et Regio*. 1984. Vol. 32. P. 177–208.
23. Ackermann F., Ackermann J., Littke A., Nisser J., Thomann J. Prikladnaya istoriya, ili Publichnoe izmerenie proshlogo [Applied History, or the Public Dimension of the Past] // *Neprikosnovennyy zapas*. 2012. № 3 (83). URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2012/3/prikladnaya-istoriya-ili-publichnoe-izmerenie-proshlogo.html>.
24. Vsyo v proshlom: Teoriya i praktika publichnoy istorii [All in the Past: The Theory and Practice of Public History] / edited by A. Zavatsky and V. Dubina. M.: Novoe izdatelstvo, 2021. 440 s.
25. De Groot J. Consuming History. Historians and Heritage in Contemporary Popular Culture. 2nd Ed. London: Routledge, 2016. 332 p.

Igor V. Narskii – D. Sc. (History), Professor, Senior Researcher, REC «Cultural and Historical Research», South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: inarsky@mail.ru

Natalya V. Narskaia – Cand. Sc. (Sociology), Associate Professor of the Department of Humanities and socio-economic disciplines, Branch of the Military Training and Research Center of the Air Force «Air Force Academy» (Chelyabinsk), e-mail: bredihina_natalya@mail.ru

Received May 30, 2022

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Нарский, И. В. Незамеченная история: блошиный рынок как место, источник и проблема исторического исследования / И. В. Нарский, Н. В. Нарская // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2022. – Т. 22, № 3. – С. 29–35. DOI: 10.14529/ssh220304

FOR CITATION

Narskii I. V., Narskaia N. V. Unnoticed History: the Flea Market as a Place, Source, and Problem of Historical Research. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2022, vol. 22, no. 3, pp. 29–35. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh220304